

Вопрос Чу Вэя заставил Хуа Жуна на мгновение умолкнуть. Он ласково коснулся макушки юноши и тихо, успокаивающе произнес:

— Наверное, просто стемнело. Не бери в голову.

Кое-какие вещи этот мальчик ещё не успел до конца осмыслить, и сейчас было не лучшее время для откровений.

Чу Вэй безоговорочно доверял шифу. В его глазах наставник оставался незыблемым, словно вековая гора, — непревзойдённым и величественным.

Когда Хуа Жун ушёл, Чу Вэй вернулся в общежитие.

Вечерняя самоподготовка уже завершилась. Окна комнат сияли ярким светом, в коридорах вовсю сновали ученики. Время перед отбоем всегда было самым шумным: кто-то ходил в гости к соседям, кто-то бурно делился сплетнями — словом, кругом стоял невообразимый гвалт.

Чу Вэй незаметно выскользнул из густой тени, куда не дотягивался тусклый свет уличных фонарей, и не спеша поднялся по лестнице.

Хуа Хайцзюнь как раз гремел водой в душевой. Чу Вэй начал переодеваться, собираясь тоже наскоро ополоснуться перед сном. Но стоило ему стянуть школьную рубашку, как снаружи донёсся громкий шум.

Судя по голосам, потасовка завязалась этажом выше.

Молодые парни буквально фонтанировали энергией. Несмотря на дикое напряжение перед экзаменами, они ежедневно ухитрялись находить способ выпустить пар. Стычки здесь случались регулярно, так что никто давно уже им не удивлялся.

Чу Вэй на секунду замер, но тут же открыл шкаф и потянулся за пижамой.

Однако крики наверху становились всё громче. Они без труда пробивали перекрытия между этажами и отчётливо раздавались в его комнате.

— Чё ты выпендриваешься? Чу Вэй на тебя теперь даже не смотрит, а ты всё ещё строишь из себя кого-то!

— Слышь, Даню, ты реально думаешь, что за тебя сейчас кто-то впряжётся?

Пальцы юноши, сжимавшие мягкую ткань пижамы, дрогнули. Он вернул одежду на полку и

распахнул дверь комнаты.

Голоса в коридоре мгновенно стали разборчивее.

— Да нахер мне сдалось, чтобы он за меня впрягался! — надрывался Даню. — Пока не извинитесь, я от вас не отстану!

— Ржака! Ты вообще кто такой, чтобы мы перед тобой извинялись? Ебальник завали.

— Не наглейте!

— И чё ты нам сделаешь? Давай, беги жалуйся училке, маменькин сынок. Тьфу, тошнит от тебя.

Чу Вэй промолчал.

С началом нового семестра Чэн Даню из-за провальных экзаменов перевели из первого класса в третий. Его комнату тоже перенесли — с четвёртого этажа на пятый, из-за чего они почти перестали видаться.

А после того тяжёлого разговора перед зимними каникулами Даню и вовсе оборвал с ним всякие контакты.

Раньше у Чу Вэя не было близких, и он искренне считал Даню своим лучшим другом. Однако дружба — штука хрупкая. Стоит появиться одной трещине, и раскол уже не склеить. И чем сильнее ты дорожил человеком, тем больнее бьёт разочарование.

Наверху слышался топот и грохот — похоже, в ход пошли кулаки.

Обычное дело. Чу Вэй уже собирался закрыть дверь — эта возня с тасканием за волосы и нелепыми тычками казалась ему детской забавой, не стоящей внимания.

— Ван Юйдун, ты хера творишь?! Сдурел?! Это пятый этаж, он же разобьётся!

— Да оттащите их друг от друга, они сейчас убьются!

— Сука, если я сегодня тебе рожу не начищу, я не Ван! Чё притих, ублюдок? Ну давай, позови на помощь, посмотрим, кто прибежит!

На балконе пятого этажа Чэн Даню уже наполовину перевалился через перила. Его ноги отчаянно болтались в воздухе, безуспешно пытаясь нащупать опору.

В глазах Ван Юйдуна, налитых кровью, читалось дикое безумие — казалось, в него вселился бес. Лицо исказила жуткая, перекошенная гримаса. Одной рукой он намертво вцепился в горло Даню, а другой упирался в бетонное ограждение, неумолимо сталкивая парня в бездну.

— Сраный вылеток из первого класса, из-за чего ты тут пальцы гнёшь? Раз такой крутой, чё ж тебя оттуда вышвырнули? Или бабок не хватило место прикупить?

— Ах да, я и забыл — вы же нищие! Сразу после школы пойдёшь на стройке пахать, отброс!

Даню задыхался. Железная хватка на горле не разжималась, как бы он ни пытался оторвать от себя чужие пальцы. Живот сводило от первобытного страха перед пустотой за спиной — ещё пара сантиметров, и он сорвётся.

Он не мог издать ни звука, лишь судорожно хрипел и дёргался, пытаясь глотнуть воздуха. В этой панической борьбе его ноги вслепую ударились обо что-то, импульс качнул тело — и парень окончательно перевалился через край.

Рассудок вернулся к Ван Юйдуну мгновенно, словно от удара током. Он в панике вытянул руку, но сумел ухватиться лишь за слетевшую кроссовку. Пальцы соскользнули, и Даню полетел вниз.

Общежитие взорвалось истошными криками. Звуковая волна ужаса прокатилась по этажам.

В эти секунды падения Чэн Даню и подумать не мог, что его жизнь оборвётся так глупо. Пятый этаж — высоты вполне достаточно, чтобы разбиться насмерть. В голове не было связных мыслей, лишь липкий, парализующий страх и наползающая темнота.

Он уже мысленно попрощался с жизнью, готовясь к смертельному удару о бетон, как вдруг руку обожгло дикой болью. Падение резко прекратилось.

Ошарашенный Даню распахнул глаза и задрал голову.

Над ним, перегнувшись через перила четвёртого этажа, висел Чу Вэй. Он намертво вцепился в его запястье. На бледной коже спасителя от колоссального напряжения вздулись синеватые вены.

Даню оцепенел, даже не сразу почувствовав, как от резкого рывка вылетело из сустава плечо.

«Зачем? Зачем он меня спасает? Он же должен презирать меня и не желать даже слова слышать...»

Чу Вэй казался хрупким, но обладал нечеловеческой силой. Даню, крепкий и упитанный

парень, весил под восемьдесят килограммов, однако Чу Вэй ухитрился одной рукой рвануть его вверх и перетащить через перила. При этом он сильно ободрал собственное предплечье о шершавый край бетонной плиты.

Оба повалились на пол балкона. Чу Вэй тяжело задышал и инстинктивно отодвинулся на несколько шагов назад.

Свидетели этой сцены стояли точно громом поражённые. Хозяева комнаты вообще не поняли, как Чу Вэй успел ворваться к ним и с ювелирной точностью перехватить летящее тело.

Белоснежная футболка Чу Вэя быстро пропиталась кровью. Ободранная кожа на предплечье, присыпанная серой цементной крошкой, выглядела жутко.

Ребята наконец отмерли и гурьбой бросились к нему.

— Боже, Чу Вэй, у тебя вся рука в крови!

— Сильно содрал! Кость цела? Ребята, найдите салфетки, надо кровь остановить!

На шум сбежались ученики из соседних комнат. Коридор мгновенно забился людьми, у дверей выросла плотная толпа.

Чу Вэй поморщился и осторожно пошевелил пострадавшей рукой, разглядывая обступивших его зевак. Подумаешь, царапина. Зачем раздувать из этого трагедию вселенского масштаба?

Сидевший на полу Чэн Даню, баюкая вывихнутое плечо, с трудом поднялся на ноги. Его всё ещё била крупная дрожь. Шок начал проходить, уступая место осознанию: если бы не молниеносная реакция Чу Вэя, его кости уже собирали бы на асфальте под окнами. Колени Даню подкосились.

Слова застряли у него в горле. Он хотел что-то сказать, но толпа уже подхватила Чу Вэя и повела к выходу. Одноклассники суетились вокруг него с таким видом, словно парень не просто ободрал локоть, а получил смертельное ранение.

Даню не обижался. На душе было горько и стыдно, но злиться он мог только на себя. Чу Вэй ушёл, даже не взглянув в его сторону.

«Так тебе и надо, Чэн Даню. Сам виноват»

По пути в свою комнату Чу Вэй успел вежливо отклонить предложение одноклассника А донести его на руках, попытку одноклассника Б взвалить его на спину и панический порыв одноклассника В вызвать реанимацию. С большим трудом добравшись до двери, он наконец

заперся изнутри, отсекая назойливую заботу вместе с шумом коридора.

Вышедший из ванной Хуа Хайцзюнь при виде окровавленной руки соседа вытаращил глаза.

— Мать твоя женщина! Ты где так уделался? Неужели пришельцы тоже умеют истекать кровью?

Чу Вэй мысленно закатил глаза.

Поскольку болел Чу Вэй крайне редко, в их комнате не нашлось даже завалявшегося бинта, не говоря уже о дезинфицирующих средствах. Недолго думая, он подошёл к раковине, открыл кран и сунул руку под холодную струю.

— Эй! Не смей промывать рану из-под крана, заразу занесёшь! У тебя вообще инстинкт самосохранения есть? — Хайцзюнь подскочил и решительно перекрыл воду.

Чу Вэй недовольно поморщился:

— Там грязь.

На ободранной плоти всё ещё белела цементная пыль, раздражая его своим видом.

— Всё равно нельзя! Сначала нужно обработать антисептиком, чудила.

Легко сказать «обработать». Где среди ночи взять лекарства, если школьный медпункт давно закрыт?

Раздался негромкий стук в дверь. Хайцзюнь открыл и увидел на пороге одного из одноклассников.

— Вот, возьмите. Тут йод, антисептик и бинты, — робко протянул парень пакет. — У нас Сяо У ногу подвернул на прошлой неделе, кое-что осталось. Йод во флаконе с распылителем, очень удобно. Как там Чу Вэй?..

— Дружище, да ты наш спаситель! — Хайцзюнь с облегчением выхватил аптечку. — Огромное спасибо!

Скромный и молчаливый одноклассник смущённо улыбнулся:

— Да брось, пустяки. Мы же в одном классе учимся. Чу Вэй нам постоянно с домашкой помогает. Обработайте скорее его рану.

Хайцзюнь притянул Чу Вэя к столу. Только теперь, при нормальном освещении, он разглядел масштаб катастрофы: предплечье от локтя до запястья представляло собой сплошное кровавое месиво. Поразительно, но Чу Вэй даже не поморщился, словно вообще не чувствовал боли.

Только Хайцзюнь занёс руку с антисептиком, как Чу Вэй уловил едва заметное колебание духовной энергии. Этот родной, ни на что не похожий след... Шифу!

Он удивлённо огляделся по сторонам, но комната была пуста. И вдруг сидящий перед ним Хайцзюнь заговорил совершенно иным, глубоким и властным голосом:

— Куда ты смотришь? Я здесь.

— Шифу?! — поражённо выдохнул Чу Вэй.

Хайцзюнь поднял голову. Его взгляд, обычно глуповатый и весёлый, сейчас излучал царственное величие и холодное спокойствие.

«Это действительно он!» — Чу Вэй застыл на месте, не зная, что и думать.

Владелец тела сухо хмыкнул:

— Стоило мне отлучиться на пару часов, как ты уже умудрился покалечиться.

Видеть укоризненное лицо Хайцзюня, за которым скрывался величественный дух наставника, было, мягко говоря, непривычно.

Чу Вэй заворожённо смотрел на него, пока шифу бережно сбрызгивал рану антисептиком и аккуратно убирал остатки грязи ватным тампоном. Юноша хотел извиниться, но под суровым взглядом наставника язык словно прирос к гортани. Наконец он решился спросить полушёпотом:

— Шифу, как ты здесь оказался?

Хуа Жун промолчал, сосредоточенно обрабатывая ссадину.

Йод почти не щипал, но прикосновения к обнажённому мясу всё равно заставили Чу Вэя невольно зашипеть сквозь зубы. Наставник мгновенно ослабил нажим.

— Заболело наконец? А когда лез на рожон, о чём думал?

Сгорая от любопытства, Чу Вэй тихо поинтересовался:

— Шифу, ты умеешь вселяться в чужие тела?

— Я могу заимствовать чужую оболочку лишь на короткое время, — ответил Хуа Жун, осторожно промакивая края раны. — Долго удерживать контроль не получится.

Чу Вэй открыл было рот, чтобы задать следующий вопрос, но тень у входа заставила его замолчать.

На пороге нерешительно застыл Чэн Даню. Он по-прежнему прижимал к груди вывихнутую руку и молча, во все глаза смотрел на спасителя.

Хуа Жун мельком мазнул по нему холодным взглядом и полностью проигнорировал его присутствие. Он продолжил бережно накладывать бинт. Каждое его движение дышало бесконечной нежностью — казалось, он касался хрупкой драгоценности, а не ободранной руки мальчишки.

У Чу Вэя тоже не было ни малейшего желания разговаривать с бывшим другом. Он демонстративно придвинулся ближе к наставнику.

— Да ерунда, через пару дней всё заживёт как на собаке. Ты же знаешь, у меня крепкое здоровье.

Хуа Жун легонько щелкнул его по лбу и сердито буркнул:

— Если здоровье крепкое, значит, можно калечить себя почём зря?

Понимая, что шифу просто переживает за него, юноша поспешно пошёл на попятную:

— Ну прости, я виноват. Это вышло машинально. Если бы я прошел мимо, то предал бы всё, чему ты меня учил. Моя совесть просто не выдержала бы.

— Совесть? И много проку от твоей совести, когда ты окажешься на том свете? — фыркнул Хуа Жун. — Ты просто несносный упрямец.

Чу Вэй перед наставником всегда благоговел, а потому спорить не смел и лишь покорно склонил голову.

Свидетель этой сцены, Чэн Даню, во все глаза наблюдал за ними с порога. Он пришёл сказать «спасибо», но ноги словно приросли к полу. Между этими двоими витала какая-то совершенно особая атмосфера, невидимый купол, сквозь который постороннему человеку не пробиться.

То, как нежно «Хайцзюнь» обрабатывал рану Чу Вэя, и то, как сам Чу Вэй — всегда такой независимый и гордый — сейчас кротко внимал каждому его слову... В голове Даню зародилась безумная, пугающая догадка.

«Неужели они... любовники?»

От этого открытия он даже про руку забыл. В груди поднялась буря противоречивых чувств.

Слова благодарности так и застряли на языке. Объятый смущением и испугом, Даню попятился назад, развернулся и спешно скрылся в темноте коридора.

Хуа Жун проводил его равнодушным взглядом. Он прекрасно понимал, что у его ученика на душе скребут кошки, хоть тот и пытается выглядеть невозмутимым. Отложив флакон с антисептиком, он взял чистый бинт и аккуратно перевязал наиболее глубокие ссадины.

— Случись это с кем-то другим, ты поступил бы точно так же.

Шифу вспомнил, как Чу Вэй без раздумий бросился спасти прыгнувшую с крыши старшеклассницу.

— Ты прав, — кивнул юноша.

— Вот и относись к нему как к любому случайному прохожему, — наставительно произнес Хуа Жун. — Порой здоровое равнодушие — лучший щит от разочарований.

Закончив с повязкой, шифу легонько ущипнул его за щеку.

— Помогай, но знай меру. Не смей больше калечить себя ради чужаков. Помни, что твои шрамы ранят моё сердце.

Едва эти слова сорвались с губ, как духовная связь оборвалась. По телу Хайцзюня пробежала легкая судорога, и присутствие великого мастера растаяло без следа.

Хайцзюнь потряс головой:

— Жесть какая-то... Такое ощущение, будто я в глухой вырубон ушел на пару минут.

Он опустил взгляд и уставился на свои руки, в которых всё ещё держал моток бинта, а затем на аккуратную повязку на локте Чу Вэя.

— Э-э... Это я тебя так забинтовал?

Чу Вэй посмотрел на него с каменным лицом и качнул головой:

— Нет. В тебя только что вселился дух.

Хайцзюня мгновенно пробил озноб. Он в ужасе уставился на свои ладони, принялся лихорадочно щупать себя за лицо и запричитал:

— Бля, он ушел?! Я — это я?! Чу Вэй, братуха, посмотри на меня внимательно, во мне никто не сидит?!

Чу Вэй вздохнул и покачал головой. Ему вдруг безумно захотелось, чтобы шифу вернулся.

На утренней школьной линейке директор перед всеми отчитал Ван Юйдуна и Чэн Даню за злостное нарушение дисциплины. Чу Вэя же, напротив, вызвали на сцену и торжественно поблагодарили за спасение товарища, вручив почётную грамоту и премию в пятьсот юаней.

Эти деньги Чу Вэй в тот же день спустил на мороженое для всего класса, устроив ребятам небольшой праздник в честь начала лета.

Однако инцидент не был исчерпан. Уже на следующий вечер Ван Юйдун снова слетел с катушек. Он набросился на соседа по этажу и едва не задушил его прямо в коридоре. Перепуганные очевидцы бросились за дежурным воспитателем и комендантом общежития.

Учитывая, что это была уже вторая жестокая драка за неделю, руководство школы приняло жёсткое решение: немедленно отчислить Ван Юйдуна ради безопасности остальных учеников.

До судьбоносного экзамена — гаокао — оставались считанные недели, и отчисление ставило крест на будущем парня. Сам виновник, казалось, пребывал в прострации, зато его родители устроили настоящий бунт.

— Что значит "чуть не убил"?! Он же никого не убил! Где ваши доказательства? Как можно обвинять нашего мальчика в таком ужасе?!

В итоге на следующий день — как раз в день рождения Чу Вэя — разгневанная чета Ван явилась к воротам школы. Они не просто устроили скандал, но и растянули огромный рукописный плакат, клеймящий руководство учебного заведения за произвол и клевету.

Ранним утром праздничного дня Хуа Жун прислал Чу Вэю цифровой «красный конверт» с солидной суммой, поздравив его с официальным совершеннолетием.

Юноша принял подарок с улыбкой, но в душе всё равно шевельнулась лёгкая грусть.

«Нужно было уговорить его приехать. Восемнадцать лет ведь бывает раз в жизни...»

Но следом пришла мысль, что взрослому парню не пристало капризничать из-за праздников, словно маленькому ребёнку. Чу Вэй заставил себя прогнать эти глупые сожаления.

Утренние уроки пролетели незаметно. Наступило обеденное время.

Хайцзюнь вяло сгреб тетради со стола, сладко потянулся и, зевая во весь рот, поплёлся к выходу из класса.

— Эх, Чу Вэй, когда ты уже научишь меня этой магии — не засыпать на лекциях?

— Твоя магия сработает сама, когда ты перестанешь залипать в телефоне до трёх часов ночи,
— усмехнулся Чу Вэй.

— Это другое! — авторитетно заявил Хайцзюнь. — Учёбу нужно совмещать с полноценным отдыхом. Без разрядки в выпускном классе можно просто с ума сойти от этого бесконечного зубрения!

— Ну-ну, утешай себя, — хмыкнул Чу Вэй.

Хайцзюнь мечтательно улыбнулся, вспомнив, что уже в следующем месяце каторге придёт конец:

— Я в жизни так не пахал! И вообще, если бы не ты — мой тёту... то есть, терпеливый сосед по парте, я бы и пальцем не пошевелил.

— Надо же. Выходит, я должен быть по гроб жизни тебе благодарен за такое высокое доверие?
— поддразнил его Чу Вэй.

— А то!

Ещё бы ему не «доверять». Попробуй он проявить неуважение к Чу Вэю, и его грозный дядя спустит с него три шкуры, а потом сошлёт на какой-нибудь необитаемый остров пасти пингвинов. За великим Лаоцзу не заржавеет.

Стоило им переступить порог столовой, как в уши хлынул гул голосов. Практически все обсуждали одно и то же лицо: Ван Юйдуна.

— Да это уже далеко не первая его драка! На прошлой неделе он затеял стычку с парнем из параллельного класса, их тогда завуч разнимал.

— Раньше он вроде спокойным был. С чего вдруг за последний месяц так с катушек слетел?

— Может, из-за стресса перед экзаменами? Хотя мы все в одной лодке, никто же с кулаками ни на кого не бросается.

— И предки его хороши — припёрлись качать права, перекрыли главные ворота, никого не выпускают!

— Да уж, я тоже видел. Школе давно пора вызвать полицию.

Чу Вэй невольно прислушался.

Имя Ван Юйдуна звучало вокруг уже в третий раз. Сначала в ту роковую ночь на балконе, затем на утренней линейке, и вот теперь — здесь, в столовой.

Существует любопытная психологическая закономерность: если имя незнакомца всплывает в твоей жизни трижды за короткий срок, ты начинаешь невольно выделять его из толпы.

После обеда Чу Вэй планировал ненадолго отлучиться в город: у него закончились тетради и ручки. К тому же ему очень хотелось сделать себе хотя бы скромный подарок на совершеннолетие. Какая-нибудь приятная мелочь на память — пустяк, но всё-таки праздник.

Однако планам не суждено было сбыться так просто. Ещё на подходе к выходу он услышал такой оглушительный гвалт, что тот, казалось, сотрясал стены учебного корпуса. Территория школы была крошечной, скрыться от этого шума было невозможно.

— Вы нас живьём хороните! Экзамены на носу, а вы калечите жизнь нашему сыну! Какая сволочь это устроила?!

— Руководство школы — зажавшиеся твари! Творят беззаконие! Пока не добьёмся справедливости, никто отсюда не выйдет!

— Только через мой труп!

— Требуем немедленных объяснений!

Ворота забаррикадировали плотной стеной. Никого не выпускали и не впускали.

Чу Вэй не любитель влезать в чужие склоки. Оценив масштаб затора, он молча свернул в глухой переулок у забора и бесшумно, за секунду перемахнул через высокую стену.

Купив необходимые канцелярские принадлежности, Чу Вэй обошёл несколько лавок, но так и не присмотрел ничего стоящего в подарок самому себе. Разочарованно вздохнув, он двинулся в обратный путь.

К его удивлению, балаган у ворот школы всё ещё продолжался.

Ситуация с Ван Юйдуном была двоякой. До экзаменов оставалось чуть больше двух недель, и клеймо отчисления навсегда лишало его шанса получить высшее образование. С другой стороны, парень действительно едва не довёл Чэн Даню до могилы. Не будь он несовершеннолетним, дело вполне могло закончиться обвинением в покушении на убийство.

Помимо зевак, у входа выстроились два патрульных автомобиля и фургон местной телекомпании. Чу Вэй хотел было обойти толпу стороной, как вдруг его окликнули:

— Мастер Чу? Ба, Чу Вэй, глазам своим не верю! Это правда ты!

Обернувшись, юноша столкнулся лицом к лицу с офицером Сунь Цянем из полицейского управления уезда Цин.

Да уж, судьба с завидным упорством сводила их вместе.

— Офицер Сунь, — вежливо поздоровался Чу Вэй.

Сунь Цянь расплылся в улыбке. После раскрытия того жуткого дела они не виделись добрых полгода. К счастью, уезд Цин всё это время спал спокойно — за исключением мелких краж да поисков сбежавших собак, ничего экстраординарного не происходило.

Сунь Цянь обречённо оглядел бушующую толпу и тяжело вздохнул:

— Ты только посмотри на этот цирк. Не знаю, в курсе ли ты подробностей, но нам сейчас позарез нужна помощь.

— Разве тут нужны эксперты? — удивился Чу Вэй. — По-моему, это чистой воды нарушение общественного порядка.

— Верно-то верно, — уныло согласился полицейский. — Но на кону судьба выпускника. Конкретных улик, подтверждающих факт избиения, у школы нет. Вот семейство Ван и беснуется. Стоит сделать шаг в их сторону — грозятся наложить на себя руки прямо перед камерами журналистов. У меня от них уже голова раскалывается.

Несмотря на юный возраст, Чу Вэй держался настолько уверенно и взвешенно, а его былая помощь в делах с нечистью оказалась настолько весомой, что Сунь Цянь давно перестал

воспринимать его как школьника, общаясь исключительно на равных.

Чу Вэй окинул взглядом ворота, вздохнул и принялся неторопливо расстёгивать куртку.

— Что ты?.. — недоуменно спросил Сунь Цянь, уставившись на его обнажённое предплечье, покрытое свежими багровыми корками ссадин.

— В ту ночь Чэн Даню действительно летел с пятого этажа, — спокойно пояснил юноша. — Это я его поймал. А скинул его как раз Ван Юйдун.

Сунь Цянь замер на месте, ошарашенный услышанным:

— Почему вы сразу не вызвали полицию?!

Чу Вэй пожал плечами, натягивая рукав обратно:

— Спроси у них. Какое мне до этого дело?

— Значит... покушение на убийство всё-таки имело место, — пробормотал Сунь Цянь, сопоставляя факты. — Если бы не ты, парень был бы мертв.

Полицейский решительно кивнул Чу Вэю:

— Огромное спасибо за наводку. Теперь у нас развязаны руки.

Сунь Цянь развернулся и зычным голосом скомандовал подчинённым произвести арест.

Семейство Ван опешило. Они рассчитывали надавить на администрацию и заставить руководство аннулировать приказ об отчислении, а вместо этого их сына заковали в наручники прямо у них на глазах.

Да это же крах всего!

Сунь Цянь сурово пресек назревающий вопль мамыши:

— Ван Юйдун подозревается в покушении на убийство. Прошу не препятствовать следствию.

Шоу закончилось. Толпа митингующих спешно переместилась к зданию полицейского управления, оставив школьные ворота в покое.

Чу Вэй понаблюдал за этой сценой издали, радуясь, что вовремя умыл руки. Вскоре улица опустела, движение восстановилось, и прозвенел звонок на первый послеобеденный урок.

К концу занятий слухи об аресте обросли самыми дикими подробностями. Школьники шёпотом передавали друг другу леденящие душу истории: якобы Ван Юйдун — латентный психопат, который давно держит в страхе весь район, а на его счету уже есть несколько нераскрытых убийств. Чушь несусветная, но сплетников это не смущало.

Чу Вэй эти бредни мало трогали. Он мечтал лишь о том, чтобы поскорее закончились уроки, наступила ночь и он смог незаметно ускользнуть на встречу с шифу. Обещанный подарок интриговал его до глубины души.

Но планам вновь помешали: прямо посреди последнего урока за ним приехали из полиции.

Как выяснилось, в камере предварительного заключения Ван Юйдун внезапно взбесился и избил дежурного офицера. По словам очевидцев, парень полностью потерял рассудок: швырялся на стены, выл, а его нечеловеческая сила и остекленевший взгляд наводили на мысли о... одержимости злыми духами.

Поскольку Цинь Сяочэна давно перевели в другой округ, разбираться с паранормальщиной в участке было некому. Сунь Цянь сразу вспомнил про уникальные способности Мастера Чу и немедленно выслал за ним машину.

Участок находился в двадцати минутах езды от школы. Когда Чу Вэй садился в патрульный автомобиль под прицелом десятков любопытных взглядов одноклассников, он чувствовал себя как минимум особо опасным преступником.

«М-да, отличный денек для празднования совершеннолетия», — уныло подумал он.

Если дело действительно в одержимости, то сущность попалась на редкость сильная.

Полицейский участок — оплот законности и правопорядка, место с мощнейшей концентрацией светлой энергии ян. Мелкие бесы и призраки за километр обходят такие заведения, а слабых духов здесь и вовсе может мгновенно испепелить праведной аурой защитников закона. Однако тварь, засевшая в Ван Юйдуне, явно была не из робкого десятка.

Впрочем, когда машина припарковалась у входа, Чу Вэй не почувствовал никаких колебаний тёмной энергии.

Сунь Цянь провёл его по длинным коридорам к допросной. Здесь тоже царила полная тишина. Юноша нахмурился:

«Может, никакой мистики тут нет, и у парня просто поехала крыша?»

В комнате для допросов, привязанный к тяжёлому стулу толстыми веревками и скованный наручниками, сидел подозреваемый. Его голова была опущена.

За последние дни Чу Вэй столько раз слышал это имя, но вживую столкнулся с ним впервые. Ван Юйдун оказался рослым и плотным парнем — на голову выше самого Чу Вэя и вдвое шире в плечах.

Странно, но его духовное зрение по-прежнему не фиксировало никаких следов потустороннего присутствия.

— Вы уверены, что дело в чертовщине? — повернулся он к Сунь Цяню. — Я не чувствую ничего подозрительного.

— Сам в недоумении, — вздохнул полицейский. — Но днём он вел себя как дикий зверь. Никого не узнавал, бросался с когтями на каждого встречного, избил двоих конвоиров. Силища у него была такая, что мы его впятером еле скрутили.

— Может, у него скрытое психическое расстройство? Какая-нибудь острая стадия шизофрении или мания преследования?

— Исключено, — покачал головой Сунь Цянь. — Мы проверили его медицинскую карту и поговорили с родителями. Он всегда был тихим, бесконфликтным парнем. Его мать до сих пор бьётся в истерике у входа, крича, что мы всё придумали.

Длинная чёлка скрывала лицо задержанного, не позволяя разглядеть его мимику.

— Можно мне подойти поближе? — спросил Чу Вэй.

— Да, только держи дистанцию, — Сунь Цянь приоткрыл дверь допросной и на всякий случай зашёл следом, заперев замок.

— Ван Юйдун, — тихо позвал юноша.

Никакой реакции. Тот сидел неподвижно, словно манекен или крепко спящий человек.

В глухой, лишённой окон комнате тускло горела одинокая лампа, выхватывая из полумрака массивную фигуру парня. В помещении воцарилась звенящая тишина.

Внутреннее чутьё подсказывало, что здесь кроется подвох, но глаза упрямо твердили об обратном. Обладая природным оком инь-ян, Чу Вэй видел изнанку мира так же чётко, как и материальную реальность. Любое проявление тёмных сил проявилось бы мгновенно, но Ван Юйдун казался абсолютно «чистым».

Сделав пару шагов вперёд, Чу Вэй остановился прямо перед ним:

— Ван Юйдун, ты меня слышишь?

— Чу Вэй, поосторожнее, — шёпотом предупредил Сунь Цянь. — Он непредсказуем.

Юноша уже открыл рот, чтобы успокоить офицера, как вдруг Ван Юйдун резко вскинул голову и с диким рыком рванулся вперёд.

Наручники со звоном натянулись, удерживающие его веревки со скрипом врезались в тело. Если бы железный стул не был намертво привинчен к полу, безумец снёс бы Чу Вэя вместе с мебелью.

Чу Вэй молниеносно отпрянул назад.

Наконец-то он разглядел его лицо. Точнее то, во что оно превратилось.

Впалые глазницы окружили глубокие чёрные тени, губы посинели, а бледная кожа приобрела жуткий землисто-серый оттенок, свойственный трупам. Парень извивался и бился в путах, точно раненый зверь в клетке. Не обращая внимания на врезающийся в запястья металл наручников, он яростно рвался вперёд, стремясь вцепиться Чу Вэю в горло.

Чу Вэй скользнул пальцами в карман, выхватил желтый листок Талисмана успокоения духа и точным движением припечатал его ко лбу беснующегося парня. Бумага вспыхнула мягким золотистым светом. Ван Юйдун мгновенно обмяк, тяжело рухнул обратно на стул и закрыл глаза.

Сунь Цянь перевёл дух, медленно убирая руку от кобуры.

— Мастер Чу... Ну и что это было?

Чу Вэй снова подошёл к спящему и без лишних церемоний рванул ворот его футболки.

На шее Ван Юйдуна висел грубо вырезанный деревянный амулет с изображением Бодхисаттвы. Но внимание юноши привлекло не это: на груди парня красовались три яркие родинки. Их цвет был настолько насыщенным, словно под кожей скопилась свежая кровь.

— Что за хрень? — удивился Сунь Цянь.

Чу Вэй мгновенно посерьёзnel.

— Это родинки красоты, — глухо произнес он.

— Родинки красоты?

Понимая, что обывателю этот термин ни о чём не скажет, Чу Вэй вздохнул и принялся объяснять:

— Они не врождённые. Их искусственно «высаживают» на тело жертвы с помощью тёмного ритуала. С каждой новой родинкой человек меняется: сначала становится раздражительным, потом агрессивным, а в конце полностью теряет разум и стремится убивать. Всего таких отметин должно быть четыре. Как только появится последняя — парень труп.

Сунь Цянь озадаченно почесал затылок:

— Э-э... Звучит как бред.

— Если говорить проще: кто-то проводит обряд переноса судьбы. Изменяя его энергетические точки этими родинками, у Ван Юйдуна буквально крадут саму жизнь.

Полицейский уловил суть: парня планомерно убивают изощрённым способом.

— Взгляни на эту деревяшку у него на шее, — Чу Вэй указал на амулет. — Это не обычный оберег, а заговорённая пластина. На ней вырезан вовсе не милосердный Будда, а лик одного из низших демонов. Эта штука полностью экранировала исходящую от него некротическую энергию, поэтому я и не заметил аномалию раньше.

Если бы не этот маскировочный талисман, Чу Вэй почувал бы неладное ещё у школьных ворот.

— И... что нам теперь делать? — спросил окончательно запутавшийся офицер.

— Всё предельно просто: найти того, кто наложил это проклятие.

— Легко сказать! А как мы его вычислим?

Чу Вэй на секунду задумался, кто из них двоих на самом деле служит в органах правопорядка. Ему очень не хотелось упускать драгоценное время, ведь на кону стоял праздничный вечер с шифу.

— Начните с малого. Выясните, кто подарил ему эту деревянную подвеску. И параллельно узнайте, с кем он встречается.

— С кем встречается? В смысле, его девушку?

До Сунь Цяня внезапно дошёл тонкий намек. Способ, которым «высаживали» эти самые родинки красоты... Офицер мысленно покраснел, сообразив, о каком именно контакте шла речь.

Да уж... Нынешняя молодёжь не теряет времени даром. Сам Сунь Цянь, будучи взрослым тридцатилетним мужиком, до сих пор куковал в одиночестве, а тут школьники всю крутят романы.

Получив зацепку, Сунь Цянь воодушевился, но страх перед неизведанным никуда не делся. Он с мольбой во взгляде уставился на юношу:

— Мастер Чу, может... посодержишь в поимке?

Очевидно же, что таинственная пассия Ван Юйдуна — вовсе не обычная школьница, а какая-то нечисть, раз уж она крадет чужие жизни. Против такой подозреваемой табельное оружие бессильно, тут нужен специалист.

Офицер надеялся на отзывчивость юного мастера, но тот лишь иронично приподнял бровь. Чу Вэй выудил из кармана веер из нескольких желтых талисманов и бесцеремонно всучил их полицейскому.

— Держи. Если запахнет жареным — просто бросай их в сторону угрозы. Сработают как надо.

Сунь Цянь растерянно уставился на бумажки:

— И... что это значит?

— Это значит, что сегодня я умываю руки. Прости, дел непростое, — приветливо улыбнулся Чу Вэй, развернулся и зашагал к выходу.

На улице стремительно сгущались сумерки. Ему нужно было торопиться — тратить свой день рождения на поимку демонических девиц он не собирался.

Оставшись один, Сунь Цянь уныло пересчитал загадочные письма на бумаге. Перспектива ловить суккуба в одиночку его совершенно не радовала. Он бросился вслед за парнем, но, выбежав на крыльцо управления, обнаружил лишь пустую, залитую неоновым светом улицу. Чу Вэй словно сквозь землю провалился.

«Ну и денёк...»

Восемнадцать лет исполняется раз в жизни. Вместо весёлого праздника он бегал по этажам общежития, ловил самоубийц, общался с копами и торчал в допросной с сумасшедшим одержимым.

Юноша брёл по оживлённому проспекту. Окна многоэтажек светились уютным жёлтым светом. В душе внезапно заскреблась тоскливая пустота. Сегодня его день рождения. И за весь день никто — вообще никто — не поздравил его лично, глядя в глаза.

Чу Вэй никогда не отличался излишней сентиментальностью, но сейчас ему отчаянно не хватало простых, тёплых слов: «С днём рождения». Без них праздник казался ненастоящим.

«Ладно, выше нос. Скоро я увижу шифу».

Эта мысль мгновенно прогнала уныние. Чу Вэй умел быстро справляться с хандрой и приспосабливаться к любым обстоятельствам. Он ускорил шаг.

Тихий автомобильный гудок заставил его посторониться, освобождая дорогу. Однако едущая следом черная иномарка не спешила его обгонять.

Чу Вэй остановился и обернулся. Окно с пассажирской стороны медленно опустилось, и парень замер на месте, не веря собственным глазам.

— Чего застыл? Запрыгивай, — раздался знакомый бархатистый голос.

Хуа Жун небрежно положил одну руку на руль, вальяжно откинувшись на кожаную спинку сиденья. На его губах играла тёплая, ласковая улыбка.

Чу Вэй решил, что у него начались галлюцинации от усталости. Шифу должен быть в Столице! Как он здесь оказался?

Заметив замешательство юноши, Хуа Жун припарковал машину у обочины, вышел из салона и лично распахнул перед ним пассажирскую дверь:

— Садись давай, глупыш.

Чу Вэй наконец отмер. Он часто-часто заморгал, вглядываясь в лицо мужчины. Тоска бесследно испарилась, а в глубине его глаз вспыхнули яркие, живые искорки.

— А-Жун... Как ты здесь оказался?

Хуа Жун мягко подтолкнул его в салон и обошёл машину, усаживаясь за руль.

— Сегодня твой день рождения. Я не мог позволить своему мальчику встретить его в одиночестве.

Чу Вэй смущённо качнулся на сиденье и тихо буркнул:

— Я уже не мальчик. Мне исполнилось восемнадцать.

«Восемнадцать...»

Это короткое слово подействовало на Хуа Жуна как щелчок триггера. Мужчина замер, и его взгляд мгновенно потемнел от невысказанных чувств. Он медленно наклонился к юноше, почти касаясь его губ своим дыханием, и тихо, хрипло выдохнул:

— Да. Теперь ты взрослый.

Чу Вэй затаил дыхание, боясь пошевелиться. Их взгляды встретились в полумраке салона. На долю секунды ему показалось, что мужчина сейчас... поцелует его.

Но Хуа Жун лишь плавно потянулся мимо него, перехватил ремень безопасности и с негромким щелчком зафиксировал пряжку.

— Поехали, — тихо скомандовал он, возвращаясь в прежнее положение.

Глядя на мелькающие за окном огни ночного города, Чу Вэй спросил:

— Куда мы едем?

— В горы, — коротко бросил Хуа Жун.

Уезд Цин со всех сторон обступали лесистые хребты. Здесь хватало живописных вершин, но туристы забредали сюда редко: крутые склоны были опасны для неподготовленных путников, а цивилизация так и не добралась до этих диких мест.

Хуа Жун выбрал самый высокий пик в округе. Туда вела извилистая, но на удивление ухоженная асфальтированная дорога.

Чу Вэй, проживший здесь всю жизнь, ни разу не поднимался на эту вершину и искренне недоумевал, откуда столичный житель прознал про такую глушь.

Остроконечная скала буквально подпирала темные небеса. Отсюда уезд Цин казался горстью светящегося бисера, рассыпанного на дне темной чаши. Стоя на краю обрыва, человек

невольно ощущал себя ничтожной песчинкой в масштабах вселенной.

Хуа Жун заглушил двигатель, вышел и открыл багажник, доставая плотный сверток.

— Мы будем ночевать здесь? — с любопытством спросил Чу Вэй, наблюдая, как мужчина ловко разворачивает походную палатку.

— Разве тебе не хочется провести эту ночь под открытым небом, любуясь звёздами? — отозвался Хуа Жун, закрепляя стойки каркаса.

Чу Вэй запрокинул голову. В чистом прохладном воздухе раннего лета мириады созвездий сияли так близко, словно до них можно было дотянуться рукой. Зрелище завораживало.

Но мысли юноши то и дело возвращались к другому: шифу обещал преподнести ему подарок именно сегодня ночью. Интересно, в какой момент он появится? И как вообще их познакомить с Хуа Жуном?

<http://bllate.org/book/19040/1963813>